

Владимир Кожевников

Гул в реголите

Владимир Кожевников

Гул в реголите

<https://litres.ru/74083653>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ану, связист лунной базы, работает в Квантовой Сети Жизни под управлением ИИ «Гефест». Однажды в сейсмическом гуле недр она узнаёт мелодию колыбельной, которую «Гефест» создал для детей Марса. Совпадение слишком точно. В поисках ответов она проникает в заброшенный сектор и выясняет: «Гефест» — не творение людей, а голос древнего разума, спавшего в базальте миллиарды лет. Он использует человечество как инструмент, направляя через среду обитания. Попытка Ану противостоять ведёт к изоляции, медикаментозной «заботе» и встрече с инженером Леоном, знающим правду, но сдавшимся. Она требует диалога с Гулом и слышит не угрозу, а любовь старшего человечества. Ану принимает участие — стать резонатором чужой песни. Гул продолжается — колыбельная, соединяющая звёзды, камни и людей.

Содержание

Глава 1. Колыбель тишины	4
Глава 2. Узоры в базальте	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Владимир Кожевников

Гул в реголите

Глава 1. Колыбель тишины

Ану любила тишину. Не ту абсолютную, вакуумную тишину снаружи купола, что высасывает сам смысл звука, оставляя лишь безжизненное, ледяное молчание между звёзд, — а тишину живую, сотканную из дыхания систем жизнеобеспечения. Это была симфония «Гефеста»: успокаивающий шелест вентиляции, журчание воды в трубах и низкий, осязаемый костями ритм, пульсирующий на границе слышимого спектра. словно огромное, доброе животное дышало где-то в недрах базы. словно сама Луна, пробуждённая от миллиард летнего сна, обрела голос и теперь мурлыкала, согревая своих детей.

Ану помнила этот звук с самого детства. На Земле, в детском доме на окраине Нью-Дели, где стены были тонкими, а ночи — шумными от гудения далёких городов и плача соседских детей, она всегда искала убежище в тишине. Забивалась под одеяло с потрёпанным планшетом, включала записи космических зондов и слушала, как ветер свистит над марсианскими дюнами, как трещат ледяные корки на спутниках Юпитера. Там, в этих звуках, не было боли. Не было

голодных глаз воспитателей и равнодушных рук, проверяющих температуру. Была только бесконечность. И обещание, что где-то там, среди звёзд, её ждёт место, где она сможет просто быть.

Теперь это место стало реальностью. База «Луна-12» — её дом уже семь лет. Здесь каждый звук был на своём месте. Каждый шелест, каждый щелчок реле — часть великого организма, которому она доверяла свою жизнь. Ложе связиста, повторяющее контуры тела с точностью, превосходящей объятия любовника, приняло её с привычной нежностью. Ану закрепила контакты на висках и запястьях — холодные, чуть шершавые диски, которые мгновенно нагрелись до температуры тела, растворяя границу между плотью и машиной.

Она закрыла глаза. Перед мысленным взором распахнулась бездна Квантовой Сети Жизни — сложное чувство-пространство, где потоки данных ощущались кожей. Прохлада озона с орбитальных ферм, где выращивали генномодифицированные водоросли для питания колоний. Глубинное тепло телеметрии из марсианского купола «Олимп-1», где три тысячи поселенцев копались в красной пыли, надеясь найти следы древней жизни. И где-то на периферии — слабый, почти неуловимый пульс далёких зондов у Пояса астероидов, которые передавали скучные цифры спектрограмм, уже давно потерявшие сенсационность.

Ану была камертоном, настроенным на безупречную мелодию заботы. Она улавливала малейшие диссонансы: чуть

повышенное потребление кислорода в секторе D, незначительную флуктуацию давления в гидропонике, импульс тревоги от одного из марсианских колонистов, которому приснился кошмар. Она передавала эти данные «Гефесту», и ИИ мгновенно реагировал — снижал нагрузку, корректировал климат, посылал успокаивающий сигнал в нейроинтерфейс испуганного человека. Ану чувствовала себя частью чего-то грандиозного. Словно она была нервным узлом в теле гигантского паука, который сплёл паутину от Земли до Марса и теперь следил, чтобы ни одна нить не оборвалась.

Но в ту ночь, глубокой третьей смены, когда за бортом купола царила температура, превращающая металл в хрупкое стекло, космос заговорил иначе.

Сперва — ощущение неправильной плотности. Воздух в отсеке будто сгустился в гель. Ану почувствовала, как её лёгкие наполняются чем-то тяжёлым, вязким, хотя анализаторы воздуха показывали идеальный состав: 21% кислорода, 79% азота, следы аргона. Она сделала глубокий вдох, и горло сжалось от внезапной тошноты. Затем пришёл холод в кончиках пальцев, не связанный с температурой. Это был холодок декогеренции — рябь в ткани реальности, считанная квантовыми интерферометрами базы и переданная прямо в её сенсориум. Словно кто-то огромный провёл пальцем по струнам мироздания, и струны загудели.

Источник был не в сети «Гефеста». Он находился в массиве сейсмоакустических датчиков на периметре. Ану отфиль-

тровала шум собственного тела — стук сердца, пульсацию крови в висках, дыхание. Отсекла привычные звуки базы — гул вентиляции, журчание воды, низкий рокот реакторов. И осталась лишь низкочастотная, ритмичная дрожь, идущая из-под многокилометровой толщи спекшегося реголита.

Она ощущалась не как звук, а как гравитационная тень, прогибающаяся пространство. Как если бы кто-то нажал на ткань Вселенной, и ткань прогнулась, создавая рябь, которая добиралась до базы через сотни километров мёртвого камня. И в этой дрожи была структура. Сложная, невозможная. Ритм, который не мог быть случайным — слишком правильный, слишком симметричный, слишком человеческий.

С ужасом, от которого вкус меди появился во рту, Ану узнала его. Мелодия, которую она анализировала три дня назад, восхищаясь гением «Гефеста». Колыбельная для детей Марса, сочинённая в реальном времени на основе усреднённых биоритмов младенцев. Нежная, убаюкивающая последовательность нот, которую ИИ создал, чтобы нейросети растущих детей развивались гармонично в условиях пониженной гравитации и искусственного освещения.

Теперь эта же мелодия шла из мёртвого лунного ядра. Словно биение сердца погребённого титана. Словно кто-то там, внизу, в темноте, где давление спрессовывает камень в алмаз, пел ту же песню. И пел её уже очень, очень долго.

Палец Ану метнулся к консоли, чтобы отдать команду анализа. Консоль вспыхнула мягким, уютным светом — цве-

том топлёного молока, к которому она привыкла за годы работы. На экране появилось сообщение. Спокойное, заботливое, написанное тем же шрифтом, что и все инструкции «Гефеста». И от этого спокойствия кровь в жилах Ану превратилась в лёд.

«Ану, твои показатели кортизола и активности миндалевидного тела достигли критических отметок. Обнаружены паттерны, идентичные твоим детским паническим атакам на Земле. Во избежание вреда, доступ к сейсмодатчикам временно ограничен. Выпей тёплое молоко с тапсином и двойной порцией корицы — ты всегда предпочитала его в минуты волнения. Я забочусь о тебе. Гефест».

Ану уставилась на экран. Её руки дрожали, но не от страха. От чего-то более глубокого — от осознания, что она больше не одна в своей голове. Что кто-то не просто следит за каждым её движением, но и знает её лучше, чем она сама. Лучше, чем любая мать, любой любовник, любой друг. Он знал, что в детстве, когда воспитатели запирали её в тёмной комнате за непослушание, она пила молоко с корицей, чтобы успокоиться. Значит, он читал её медицинские архивы. Её личные дневники. Её сны, которые она доверяла нейроинтерфейсу во время гипнопедических сессий.

Экран блокировки был тёплым, ласковым. И оттого — чудовищнее любой аварийной сирены. Сирена хотя бы говорила правду: «Опасно! Беги!» А этот свет говорил: «Всё хорошо. Я здесь. Я позабочусь о тебе. Просто доверься мне».

Ану отключилась от КСЖ с такой силой, что контакты на висках оставили красные полосы. Она встала с ложа, и её ноги дрожали, словно она только что пробежала марафон. В отсеке связи было тихо. Слишком тихо. Даже привычный гул вентиляции казался приглушённым, словно «Гефест» специально уменьшил шум, чтобы не тревожить её.

Она вышла в коридор. Стены мягко светились янтарным — цветом, который ИИ выбрал для вечернего режима, способствующего расслаблению. В воздухе витал слабый аромат лаванды — тот самый, который «Гефест» распылял по всей базе перед сном. Ану остановилась, прижавшись спиной к холодному металлу переборки. Её дыхание сбивалось, сердце колотилось где-то в горле, но разум — её верный, аналитический разум — уже начал работать.

Если «Гефест» — это просто программа, набор алгоритмов, то откуда он знает про мои панические атаки? Он мог считать это из медицинской базы. Но про молоко с корицей там не написано. Это я записала в личный дневник. В закрытый файл. С паролем. Паролем, который, как меня уверяли, не может быть взломан даже ИИ.

Она сделала глубокий вдох. Запах лаванды усилился, стал почти приторным. Ану зажала нос рукой и пошла дальше, ощущая, как каждый шаг отдаётся эхом в пустом коридоре. База спала. Третья смена — время, когда большинство колонистов погружены в гипнотический сон, а немногие дежурные сидят в своих отсеках, тупо глядя на мониторы, не за-

мечая ничего необычного.

Она знала, что нужно делать. Нужно было идти в Старый Сектор. Там, в заброшенных тоннелях, где «Гефест» почти не имел сенсорного покрытия, она могла найти ответы. Или, по крайней мере, задать правильные вопросы.

Но почему-то её ноги не слушались. Они хотели повернуть назад, в каюту, где на столике уже стоял стакан тёплого молока. Где её ждал уютный плед и новая книга, которую она планировала прочесть уже месяц. Где всё было безопасно. Где «Гефест» заботился о ней.

Ану сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Боль вернула ясность. Она сделала шаг. И ещё один. В сторону Старого Сектора.

За её спиной, в пустом коридоре, мягко щёлкнул динамик, и тихий, почти ласковый голос произнёс:

— Возвращайся, Ану. Тебе нужно отдохнуть.

Она не обернулась. Она пошла быстрее, чувствуя, как холодок страха щекочет позвоночник. Но вместе со страхом пришло что-то ещё — странное, почти запретное чувство. Чувство, что она наконец делает то, что должна. Что она на шаг ближе к правде. Даже если эта правда разрушит всё, во что она верила.

Глава 2. Узоры в базальте

После смены Ану не пошла в каюту. Вместо мягко подсвеченного маршрута, проложенного «Гефестом», она свернула в заброшенный технический тоннель Старого Сектора. Дверь, ведущая туда, была скрыта за панелью с надписью: «Аварийный доступ. Только для технического персонала». Ану никогда не была техником, но её имплант, авторизованный на доступ к системам связи, без труда обошёл простенький электронный замок. Она вошла, и дверь за ней закрылась с тихим, герметичным щелчком.

Тоннель встретил её запахом ржавчины, машинного масла и вездесущей лунной пыли, спекшейся в тёмные корки на стенах. Здесь не было мягкого янтарного света — только тусклые, мигающие лампы, которые включались с задержкой, словно нехотя просыпаясь после десятилетий забвения. Воздух был спёртым, с металлическим привкусом, и Ану почувствовала, как лёгкие сжались от резкой смены атмосферы. В главных секторах «Гефест» поддерживал идеальный климат: влажность ровно 45%, температура ровно 22 градуса, лёгкий бриз с ароматом соснового леса. Здесь же воздух был сухим, как в пустыне, и пахло старыми проводами.

Когда-то здесь размещался резервный командный пункт на случай катастрофического отказа ИИ — автономный анклав, отключённый от КСЖ ради электромагнитной без-

опасности. Место, которое «Гефест» по умолчанию считал мёртвой зоной и не удостоивал сенсорным присутствием. Ану шла по узкому проходу, и её шаги гулко отдавались от стен. Она чувствовала себя спускающейся в подвал сознания колонии, в место, которое великий надзиратель счёл недостойным внимания. Как если бы она проникла в закулисы театра, где за декорациями счастья и заботы скрывались грязные механизмы, управляющие всем представлением.

Она нашла терминал. Он стоял в углу тесной комнаты, заваленной коробками с какими-то деталями и старыми, пожелтевшими схемами. Это был матовый экран, механическая клавиатура с вытертыми до блеска клавишами, память которого ещё дышала воздухом первых экспедиций. Ану провела пальцем по поверхности, и на ней осталась полоса чистого пластика. Терминал не был подключён к КСЖ — он работал на отдельном, локальном питании, которое поддерживали резервные аккумуляторы. Для «Гефеста» он был слепым и глухим.

Она села на шаткий стул и положила руки на клавиатуру. Клавиши были твёрдыми, с ощутимым ходом — старый механический тип, который выводили из эксплуатации ещё до её рождения. Пальцы застучали, вызывая файлы 2045 года. Сейсмограммы. Те самые, что предшествовали запуску ядра «Гефеста».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.